

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“, № 11.

Г. Чеховъ—миниатюристъ по преимуществу. Онъ великій художникъ на малые сюжеты. Это писатель, который всюду носитъ съ собою фотографическій аппаратъ и съ каждой встрѣчной характерной житейской сценки дѣлаетъ моментальныя фотографическія снимки. Сборники его сочиненій не болѣе какъ изящныя альбомы. Онъ улавливаетъ отдѣльныя моменты жизни и живописно передаетъ ихъ читателю. Но фотографическій аппаратъ, даже самый чувствительный, схватываетъ только состояніе предмета въ моментъ съемки, и не можетъ воспроизвести связную смѣну моментовъ, составляющую движеніе. Подобно этому и у Чехова описаніе всегда преобладаетъ надъ дѣйствіемъ, блестящее изображеніе характеровъ—надъ ихъ развитіемъ. Если бы искусство подраздѣлялось, подобно физикѣ, на статику и динамику, то Чехова нужно было бы признать однимъ изъ характернѣйшихъ представителей художниковъ статики. При полномъ почти отсутствіи послѣдовательнаго развитія типовъ, его изображенія всегда въ высшей степени живы, типичны и выразительны, а его описанія такъ выпуклы и рельефны, что, кажется, что чуткій художникъ съ живымъ воображеніемъ могъ бы рисовать съ его словъ пейзажи и жанровыя картины, стоять только печатную рѣчь перевести на языкъ красокъ. Благодаря такому рѣзкому преобладанію статическаго элемента надъ динамическимъ, мелкія произведенія выходятъ изъ-подъ пера господина Чехова въ художественномъ отношеніи гораздо выше крупныхъ. Онъ создаетъ маленькіе шедевры и большіе посредственные рассказы. И крупныя вещи выходятъ у него тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе они обработаны въ смыслѣ единства замысла и чѣмъ менѣе похожи на ворохъ самостоятельныхъ сценъ, связанныхъ общимъ заглавіемъ. Художественное достоинство чеховскихъ тзореній всегда обратно пропорціонально ихъ объему: наиболѣе вѣрной мѣркою, наиболѣе безошибочнымъ критеріемъ оцѣнки ихъ можетъ служить количество страницъ,

площадь печатной бумаги. Справедливость этой оцѣнки читатели могутъ провѣрить какъ по двумъ сборникамъ его мелкихъ рассказовъ, которые мы рекомендуемъ, какъ лучшія беллетристическія произведенія послѣдняго пятилѣтія, такъ и по новому большому очерку „Скучная исторія“, появившемуся въ послѣдней книгѣ „СѢВЕРНАГО ВѢСТНИКА“.

Идейнымъ психологическимъ сюжетомъ „Скучной исторіи“ служитъ недоумѣніе передъ загадкой жизни, проникающее челоѣка въ виду близкой смерти. Задача, какъ видите, чисто толстовская да и исполненіе тоже, если хотите, толстовское въ томъ смыслѣ, что чрезвычайно напоминаетъ знаменитую „Смерть Ивана Ильича“. Какъ Ив. Ил. прожилъ всю жизнь пассивно, по теченію событій, по рутинѣ установившихся воззрѣній, спокойно предсѣдательствуя въ окружномъ судѣ и не думая, не гадая ни о какихъ загадкахъ жизни, даже не предполагая въ ней какой либо загадки, такъ и герои Чехова, Николай Степановичъ, всю жизнь благодушно профессорствовалъ, видѣлъ въ наукѣ и обрѣтенную цѣль, и рѣшенную задачу жизни, и только передъ смертью сообразилъ, что все это далеко не такъ просто и жизнь составляетъ великую загадку, которую не рѣшитъ никакая наука въ свѣтѣ. Какъ примѣрный семьянинъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, Ив. Ильичъ вдругъ какъ бы отрывается отъ семьи охватившимъ его глубокимъ нравственнымъ процессомъ, такъ и профессоръ Николай Степановичъ, когда то счастливый супругъ, женившійся по любви, и счастливый отецъ двоихъ дѣтей, вдругъ чувствуетъ себя совершенно чуждымъ среди своихъ и мучительно думаетъ, глядя на сморщенную и отупѣвшую старую-жену: „неужели это та самая Варя, которую я такъ любилъ и которая“ и т. д. Сходство доходитъ до такой почти плагиативной точности, какъ положеніе взрослыхъ дочерей обоихъ героевъ, которыя обѣ выходятъ замужъ. Сходства вообще много, даже слишкомъ много, но и разницы тоже не мало. У Толстого нѣтъ напр. такой нелѣпой сцены, какъ ночное появленіе прекрасной Кати передъ окномъ собирающагося къ предкомъ старца съ предложеніемъ

взять ее 60 тысячъ — и ѣхать лечиться за границу. Впрочемъ помимо этой неестественной подробности. Фигура Катя очень понятна и прекрасно задумана авторомъ. Катя, воспитанница Николая Степановича, вылетѣвшая въ жизнь неопытной птичкой, съ душою полной довѣрія къ людямъ и любви къ сценическому искусству. Довѣріе къ людямъ уничтожилъ въ ней какой-то возвеличенный въ герои мерзавецъ изъ актерскаго быта, а любовь къ сценѣ исчезла вслѣдствіе горькаго сознанія собственной безталантности и близкаго знакомства съ жрецами и жрицами Мельмоены. Въ результатѣ попытка на самоубійство Катя возвращается съ подрѣзанными крылышками и долгое время отдыхаетъ душою на мягкихъ кушеткахъ своей роскошной квартиры, сочувственно слушая желчныя обличенія нашего времени и поколѣнія, въ которыхъ разсыпается одинъ ея престарѣлый поклонникъ. Но съ теченіемъ времени такая обстановка начинаетъ тяготить ее; ей становится совѣстно за свой бездѣятельный образъ жизни и за свое сибаритское пробѣданіе наслѣдственныхъ капиталовъ, пропускаемыхъ себѣ безъ удовольствія, другимъ безъ пользы: она нѣсколько разъ настоятельно проситъ Николая Степановича взять и куда нибудь употребить ее деньги и рѣшительно не знаетъ, что дѣлать съ собой. Ник. Ст., уступая просьбамъ жены, ѣдетъ въ Харьковъ за справками относительно личности и имущественнаго положенія жениха своей дочери, пошлаго иѣмчика Гнеккера, и останавливается въ гостиницѣ въ самомъ сквернѣйшемъ расположеніи духа. Одиному, покинутому, раздавленному страшной загадкою жизни, отсутствіемъ въ душѣ чего-то главнаго, важнаго, что связывало бы въ одно цѣлое все его впечатлѣнія, того, что зовутъ общей идеей или Богомъ живого человека, ему мерещится уже приближеніе смерти, но и передъ лицомъ ея онъ не знаетъ, чѣмъ наполнить свои послѣднія минуты. Въ это время раздается стукъ въ дверь и передъ нимъ появляется Катя.

— Здравствуйте, говоритъ она, тяжело дыша отъ ходьбы по лѣстницѣ.

Не ожидали? Я тоже... тоже сюда пріѣхала.

Она садится и продолжаетъ, заикаясь и не глядя на меня:

— Что же вы не здороваетесь? Я тоже пріѣхала.. сегодня. Узнала, что вы въ этой гостиницѣ и пришла къ вамъ...

— Очень радъ видѣть тебя, говорю я, пожимая плечами, но я удивленъ... Ты точно съ неба свалилась. Зачѣмъ ты здѣсь?

— Я? Такъ... просто взяла и пріѣхала.

Молчаніе. Вдругъ она порывисто встаетъ и идетъ ко мнѣ.

— Николай Степановичъ! говорить она, блѣднѣя и сжимая на груди руки. Николай Степановичъ! Я не могу дальше такъ жить! Не могу! Ради истиннаго Бога скажите скорѣе, сію минуту: что мнѣ дѣлать? Говорите, что мнѣ дѣлать?

— Что же я могу сказать? недоумѣваю я. Ничего я не могу

— Говорите же, умоляю васъ! продолжаетъ она, задыхаясь и дрожа всемъ тѣломъ. Клянусь вамъ, что я не могу дальше такъ жить! Силъ моихъ нѣтъ!

Она падаетъ на стулъ и начинаетъ рыдать. Она закинула назадъ голову, ломаетъ руки, топчетъ ногами; шляпка ея свалилась съ головы и болтается на резинкѣ, прическа растрепалась.

— Помогите мнѣ! Помогите! умоляетъ она. Не могу я дальше.

— Ничего я не могу сказать тебѣ, Катя, говорю я.

— Помогите! рыдаетъ она, хватая меня за руку и цѣлуя ее. Вѣдь вы мой отецъ, мой единственный другъ! Вѣдь вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителемъ! Говорите же: что мнѣ дѣлать?

— По совѣсти, Катя: не знаю...

Я растерялся, сконфуженъ, тронуть рыданіями и едва стою на ногахъ.

— Давай, Катя, завтракать, говорю я, натынуто умибаясь. Будетъ плакать!

И тотчасъ же я прибавляю унававшимся голосомъ:

— Меня скоро не станетъ, Катя...

— Хоть одно слово, хоть одно слово! плачетъ она, протягивая ко мнѣ руки. Что мнѣ дѣлать?

— Чудачка право... бормочу я. Не понимаю! Такая умица и вдруг на тебя! расплакалась...

Наступает молчаніе. Катя поправляет прическу, надѣвает шляпу, потомъ компакетъ письма и суетъ ихъ въ сумочку, и все это молча и не спѣшь. Лицо, грудь и перчатки у нея мокры отъ слезъ; но выраженіе лица уже сухо, сурово... Я гляжу на нее и мнѣ стыдно, что я счастливѣе ея. Отсутствіе того, что мои товарищи философы называютъ общей идеей, я замѣтилъ въ себѣ только незадолго передъ смертью, на закатѣ своихъ дней, а вѣдь душа этой бѣдняжки не знала и не будетъ знать пріюта всю жизнь, всю жизнь!

— Давай, Катя, завтракать, говорю я.

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчаетъ она холодно.

Еще одна минута проходитъ въ молчаніи.

— Не нравятся мнѣ Харьковъ, говорю я. Сѣро ужъ очень. Какой то сѣрый городъ...

— Да, пожалуй... Некрасивый... Я не надолго сюда... Мимоѣдомъ. Сегодня же ѣду.

— Куда?

— Въ Крымъ... то есть на Кавказъ.

— Такъ. На долго?

— Не знаю.

Катя встаетъ и, холодно улыбувшись, не глядя на меня, протягиваетъ мнѣ руку.

Не правда ли, какъ удачна эта параллель между холоднымъ уныніемъ примпривнагося со смертью старца и жгучимъ страданіемъ молодого существа, у котораго впереди еще цѣлая жизнь, но ни свѣта, ни счастья, ни успокоенія! Какъ ясно вы чувствуете всю мучительную безысходность нравственнаго положенія Кати, у которой нѣтъ даже привилегія близкаго успокоенія смерти! Да, трудно жить, читатели, безъ нравственнаго идеала въ жизни, безъ той общей идеи, которую Чеховъ такъ удачно назвалъ „Богомъ живаго человѣка“!

И. Задетный.